

Юй Шуимяо уютно устроился в кресле, уткнувшись в телефон. На экране светился плеер: песня «Закадычные друзья» стояла на автоповторе, наполняя комнату знакомыми аккордами раз за разом.

Настроение у режиссера было превосходное. Мало того что он слушал песню без умолку, так еще и подвывал в такт. К несчастью, природа начисто обделила его музыкальным слухом, так что у только что закончивших съемку Хэ Вэй и Го Мяочунь одновременно задержались веки. Хэ Вэй вполголоса проворчал:

— Я ведь раньше грешным делом сомневался, что за отношения между режиссером Юем и Юань Шаном. А теперь погляжу на это nepотpeбcтвo и думаю: да они точно родные братья! Кто еще станет так издеваться над его шедевром?

Новый альбом Юань Шана, мгновенно ставший хитом, и так приобрели почти все на съемочной площадке. Но Юй Шуимяо несколько дней назад притащил в лагерь целую гору дисков и принялся раздавать их каждому встречному. Подобной щедрости позавидовали бы самые преданные фанаты. В шоу-бизнесе, конечно, принято поддерживать друзей и рекламировать их проекты, но чтобы так рьяно — случай беспрецедентный.

— Это у тебя мыслишки грязные, а я ни на секунду не сомневалась, — Го Мяочунь, которая после релиза альбома превратилась в преданную фанатку Юань Шана, наградила коллегу презрительным взглядом.

Подошедшая поправить ей грим визажистка, припорошивая лицо актрисы пудрой, оживленно затараторила:

— Сестра Го, вы видели свежий выпуск «Я — великий победитель»? Юань Шан там просто невероятный красавчик! И вживую спел «С этого момента»!

— Да ладно?! — Го Мяочунь тут же загорелась и замахала руками. — А ну-ка, покажи, покажи...

Остальные гримеры, крутившиеся неподалеку, тут же облепили актрису, тыча экранами телефонов и весело обсуждая шоу. Вытесненный на периферию Хэ Вэй с грустью осознал, что от его статуса главного красавца площадки, перед которым все заискивали в начале съемок, не осталось и следа. Тяжело вздохнув, он примостился на пороге гримерки и уткнулся в собственный мобильник.

В Вэйбо только и говорили что об этой передаче. Рейтинги выпуска «Я — великий победитель» с участием Юань Шана взлетели до небес, пробив отметку в три и семь десятых процента. На стриминговых платформах количество просмотров росло с пугающей скоростью, наглядно демонстрируя, насколько влиятельным и популярным стал молодой исполнитель.

Хэ Вэй открыл популярный пост, собравший почти миллион репостов. На видео ведущая шоу с

улыбкой спрашивала:

— Ваш новый альбом показывает феноменальные результаты, в том числе за рубежом. За границей музыкальный рынок устроен куда проще, а перспектив больше. Не задумывались о том, чтобы уехать и строить карьеру там?

Юань Шан мягко улыбнулся. Он держался с таким благородным достоинством, что даже аляповатые декорации и дешевый студийный свет не могли умалить его безупречной красоты. На заднем плане послышался восторженный писк зрительниц, который звукорежиссеры тщетно пытались приглушить.

Стоило ему приоткрыть рот, как очередная волна визгов прервала его. Певец не рассердился, лишь негромко рассмеялся, кашлянул в кулак и ласково опустил ладонь, призывая зал к порядку:

— Ну тихо, тише. Послушные мои, дайте сначала договорить.

Сказано это было полусуто, почти кокетливо, но сквозь мягкость пробивалась такая непреклонная властность, что шум в студии стих за долю секунды. Только тогда он продолжил:

— Зарубежная индустрия действительно устроена здоровее, да и вся цепочка производства там отлажена лучше нашей. У нас пока много сложностей, порой опускаются руки, но я верю: совместными усилиями мы сможем все изменить. Как китайский исполнитель, я чувствую свой долг и ответственность перед родной культурой. Я буду работать ради этого, а значит, мое место здесь.

Зал взорвался громом аплодисментов. Но Хэ Вэй, вслушиваясь в его слова, уловил за внешней скромностью амбициозный подтекст. Юань Шан явно не собирался ограничиваться ролью простого автора-исполнителя; он метил в продюсеры и создатели собственной империи. Подобный глобальный подход обычно отличал умудренных опытом мэтров, радеющих за судьбу отечественной эстрады. Для вчерашнего дебютанта такие цели выглядели поразительно зрелыми.

Хэ Вэй удивленно всматривался в экран. Невероятное самообладание и рассудительность Юань Шана никак не вязались с его истинным возрастом. Обычно молодежь, вкусив первый глоток славы, теряет голову от лести. Это естественный этап взросления, период звездной болезни и метаний, но Юань Шана эти законы психологии словно не касались.

На протяжении всего эфира поведение Юань Шана оставалось эталонным. Он не пытался перетянуть одеяло на себя, не суетился, не кривлялся. Вежливый, внимательный, он шутил тонко и к месту. По отношению к другим гостям, которые явно шли лишь фоном, парень проявлял искреннюю заботу и дружелюбие. Он вел себя как человек, досконально понимающий психологию толпы, создавая вокруг атмосферу уюта и праздника.

В игровом блоке шоу он с легкостью победил благодаря смекалке и отличной физической форме. Под оглушительный рев трибун долговязый Юань Шан обернулся и широким жестом сгреб в охапку ведущего и второго гостя, У Сяюэ. Его открытая, заразительная улыбка заставила даже измотанного бесконечными сменами Хэ Вэй тепло улыбнуться. Он не удержался и сделал репост записи: «Поздравляю Юань Шана с оглушительным успехом альбома! Наша команда скоро переезжает на натуру, ждем не дождемся твоего приезда в лагерь! ~»

Будущий партнер по съемочной площадке был признанным актером и любимцем публики, так что его публикация мгновенно спровоцировала бурю в комментариях:

— А-а-а-а, мой бог и мой краш взаимодействуют! Жизнь прожита не зря!

— Ждем фильм! Завидую белой завистью всем на съемочной площадке [сердечко]

— Поймала себя на том, что улыбаюсь во весь рот. Вроде обычные конкурсы, но почему на душе так тепло?

— Юань Шан такой заботливый! И какой высокий, боже, эти ноги! А как он обнял У Сяюэ и ведущего? Настоящий альфа-самец! Мое сердечко не выдерживает!

— А этот жест, когда он фанатов успокаивал? О боже, я просто умерла на этом моменте!!!

— Девочки, кто со мной в секту шипперов Юань-Юэ? Хотя с ведущей они тоже смотрятся потрясающе. Ладно, я выбираю шипперить себя с ним! Хэ Вэй, прости, я ухожу к другому на три секунды! [пока-пока]

«Минуточку, что?!»

Хэ Вэй обновил страницу. Вид сотен комментариев от предавших его фанаток вдребезги расколол его хрупкое эго. Он всерьез задумался, где свернул не туда и почему его аудитория состоит из столь ветреных девиц. Но вспомнив, что совсем скоро Юань Шан приедет на съемки, актер коварно усмехнулся про себя.

«Ничего-ничего. Вот приедет он, я завалю сеть нашими совместными фоточками. Лопнете от зависти!»

Когда раздался звонок от Юй Шуимяо, Юань Шан с удивлением осознал, что на носу Новый год. Режиссер сообщил, что павильонные съемки «Цзянху» завершены, группа перебазировается на натуру, так что пришла пора собирать чемоданы.

Вэйфэн дремал, свернувшись калачиком у его ног. Юань Шан вздохнул с легким разочарованием:

— В канун Нового года мы будем на съемках? Значит, встретить праздник вместе не получится?

— Да ты издеваешься! — фыркнул в трубку Юй Шуимяо. — В новогоднюю ночь у нас запланирована куча ночных сцен. Вся группа будет пахать до самого утра. Раскатал губу! Лучше отсыпайся, пока можешь. В Ланьчжоу собачий холод, говорят, температура падала до тридцати мороза. Так что твоя лафа закончилась.

Юань Шан закатил глаза и нажал отбой. Надо же было так сглупить и понадеяться на теплый праздник с этим человеком! Язвительный Юй Шуимяо в своем красноречии мог дать фору даже вечно хмурому Цинь Хо. Настоящий друг и наставник, которого лучше любить на безопасном расстоянии.

Забросив телефон на диван, парень растянулся звездой на пушистом ковре возле окна. За стеклом кружились белые хлопья. Вэйфэн лениво перебрался поближе и пристроил тяжелую лобастую голову хозяину на живот. От пса исходило живое тепло, но Юань Шан все равно грустно вздохнул.

В квартире стояла звенящая тишина. У тётушки Лю и тётушки Ю были семьи в других провинциях, и обе они уехали на праздники к детям. В огромном доме остались только он и пес. Пока Юань Шан крутился белкой в колесе, занимаясь продвижением альбома, одиночество его не беспокоило. Но стоило делам утихнуть, как в груди поселилась щемящая пустота.

Он любил шумные компании, дружеские застолья и смех. Перспектива сидеть в новогоднюю ночь перед экраном телевизора и в одиночку отсчитывать удары курантов нагоняла тоску.

— Эх, — он крепко прижал к себе собаку и чмокнул в мокрый нос. — Сына, похоже, у папки остался только ты.

Спустившись на первый этаж семейного особняка, Цинь Хо поморщился при виде Чжоу Чжаньсяо.

Прислуга сбивалась с ног под чутким руководством его тетушки: повсюду сновали люди с коробками деликатесов, кто-то клеил новогодние парные надписи на косяки, развешивал гирлянды из хлопушек и красные фонари. Но даже этот предпраздничный хаос не мог заглушить капризный, заискивающий голосок кузена:

— Ма-а-ам...

От этой тягучей интонации у Цинь Хо по спине пробежал мороз отвращения. Чжоу Чжаньсяо, слащаво улыбаясь, легонько тряс мать за плечо. В его физиономии читалось три части подлизывания и семь частей откровенной лести. Изливая потоки елея, он выглядел на редкость жалко.

Наблюдая за этой сценой с каменным лицом, Цинь Хо невольно сравнил кузена с Юань Шаном, чье присутствие всегда приносило ощущение весеннего тепла и душевного покоя. Генеральный директор мысленно вздохнул. Обладая Чжоу Чжаньсяо хотя бы третью его гордости и ума, Цинь Хо давно бы передал ему бразды правления и не нянчился с ним до сих пор.

Напав на след финансовых махинаций, Цинь Хо поручил помощнику Му собрать подробный отчет о делах кинокомпании «Четыре Моря». Результаты оказались неутешительными: за ширмой внешнего процветания скрывался глубокий системный кризис в руководстве. Чжоу Чжаньсяо оказался никудышным управленцем. Цинь Хо, несущий ответственность за благополучие сотен сотрудников и артистов, больше не мог закрывать глаза на его беспечность.

Направленный из головного офиса кризис-менеджер взялся за дело жестко и профессионально, за считанные недели перехватив все финансовые потоки. Формально Чжоу Чжаньсяо сохранил кресло генерального директора, но лишился реальной власти, превратившись в свадебного генерала. Это его заметно утихомирило — он притих и даже временно перестал крутить романы со старлетками.

Цинь Хо никогда не жаловал семейственность в делах и не покушался на заискивания. Но мать Чжоу Чжаньсяо души не чаяла в сыне. Пытаясь казаться строгой, она все же растаяла под напором его объятий и с улыбкой погрозила пальцем:

— Ах ты оболтус! Вечно от вас с братом одна головная боль!

Заметив приближающегося Цинь Хо, она тут же обратилась к нему, пытаясь заступиться за свое непутевое чадо. Цинь Хо, которого всегда коробила эта слепая материнская любовь, ответил сухо и бескомпромиссно:

— Кадровые перестановки в холдинге — моя зона ответственности. Пусть сначала покажет реальные результаты, а пустые разговоры мне не нужны.

Тетушка расстроилась:

— Но А-Сяо никогда раньше не сталкивался с подобным отношением! Он ведь признал свои ошибки и обещал больше тебя не злить. Сяо Хо, у меня ведь нет никого, кроме него. Мне не нужны его великие свершения, я просто хочу, чтобы мой мальчик жил без забот и радовался

жизни. Сегодня такой праздник, прояви великодушие, забудь старые обиды.

Гнев горячей волной подкатил к горлу Цинь Хо. Не будь эта пожилая женщина его единственной близкой родственницей, заменившей ему рано ушедших родителей, он бы вышвырнул Чжоу Чжаньсяо вон прямо сейчас. Ее мольбы, подкрепленные авторитетом старшинства, граничили с эмоциональным шантажом. Ради минутного каприза сына она была готова пожертвовать душевным спокойствием племянника.

Проработав без отдыха весь год, Цинь Хо надеялся обрести в семейном гнезде хотя бы капли тишины. Вместо этого он остро почувствовал себя чужаком в доме, где вырос. Эти двое были настоящей семьей, а он — лишь сторонним наблюдателем. Накатившее чувство глубокого одиночества лишило его желания продолжать этот бессмысленный спор. Молча набросив пальто, он направился к выходу.

Поняв, что перегнула палку, тетушка в панике вскочила с дивана и бросилась следом:

— Куда ты? Сяо Хо! Сегодня же канун Нового года!

— Появились срочные дела, — бросил Цинь Хо, даже не обернувшись. — Празднуйте без меня.

Улицы мегаполиса казались вымершими. Многомиллионный город затих, празднуя за закрытыми дверями. Редкие прохожие спешили укрыться от разыгравшейся метели, которая укутывала пустынные проспекты белым саваном. Помощник отдыхал, в офисе ловить было нечего. Покружив по заснеженным дорогам, Цинь Хо почувствовал, как раздражение уступает место глухой тоске. Повинуясь внезапному импульсу, он развернул машину в сторону своего городского кондоминиума.

«Юань Шан такой общительный... Наверное, сейчас празднует в веселой компании друзей? Интересно, Вэйфэн остался дома один?»

Выйдя из лифта, Цинь Хо услышал за дверью залиvistый, радостный лай пса. Сердце предательски екнуло. Он торопливо вставил ключ в замок, распахнул дверь и замер, столкнувшись взглядом с удивленным хозяином квартиры.

Юань Шан, держа в руке поводок, как раз натягивал ботинки. При вида нежданного гостя он широко распахнул глаза, выглядя донельзя забавно:

— Председатель Цинь? Вы... как здесь?..

Впрочем, замешательство длилось недолго. Юань Шан обладал живым умом и мгновенно оценил ситуацию: Цинь Хо стоял на пороге бледный, замерзший, с мрачным видом. В

новогоднюю ночь человек его статуса возвращается в пустую квартиру лишь в одном случае — если дома разразился скандал.

В душе Юань Шана шевельнулось теплое сочувствие к товарищу по несчастью. Чтобы избавить гостя от неловкости, он выпрямился и улыбнулся:

— Представляете, у меня дилемма — некому составить компанию за праздничным столом. Собирался как раз прогуляться с Вэйфэном до супермаркета, купить продуктов, да никак не решу, что приготовить. Пойдемте со мной? Поможете с выбором.

Пес задорно залаял, подметая хвостом пол. Встретившись глазами с преданной собачьей мордой, а затем подняв взгляд на мягкую, искреннюю улыбку Юань Шана, Цинь Хо почувствовал, как лед в его груди мгновенно растаял под напором этого тепла.

Слегка помедлив, он тихо ответил:

— Хорошо.

Круглосуточный супермаркет премиум-класса у дома работал без перерывов. Даже в канун Нового года прилавки ломились от свежайшей зелени и отборного мяса. Оставив Вэйфэна на передержке в зоне для питомцев, мужчины взяли тележку и неторопливо пошли вдоль рядов.

Юань Шан усердно листал кулинарные рецепты в телефоне, и его блестящий интеллект впервые дал сбой перед лицом бытовых трудностей.

— Слушайте... а соя для свиной рульки — это какая? Вот эта зеленая стручковая или сухая в пакете? — растерянно пробормотал он, переводя взгляд с одной полки на другую. — Обе подписаны одинаково.

Затем он завис над ящиками со специями:

— Десять ломтиков имбиря... Это сколько в граммах? Что за кулинарный абстракционизм?

Перед ним возвышалась гора имбирных корней: одни были размером с кулак и ветвились, как оленьи рога, другие едва достигали размеров мизинца.

— Какую рыбу берут для тушения в соевом соусе? По мне, они все на одно лицо. Может, взять тунца?

Юань Шан задумчиво оглядел аквариумы, где плескалась живая рыба, и потянулся к аккуратно нарезанным замороженным стейкам тунца на ледяной подложке.

Цинь Хо лишился дара речи. Шлепнув парня по руке, он подозвал продавца и уверенно указал на упитанную тилапию. Затем деловито бросил в тележку несколько одинаковых корней имбиря и пакет сушеной сои.

Он молча наблюдал за тем, как Юань Шан, бормоча под нос рецепт соуса, с важным видом выбирает зеленый лук, упорно перебирая пучки черемши и чесночных стрелок.

Святые угодники, еще полчаса назад Цинь Хо наивно полагал, что его ждет праздничный ужин! Тунец в соевом соусе? Из этого разве получится что-то съедобное? Цинь Хо, успешный бизнесмен, привыкший к роскоши и бесконечным деловым встречам, и то имел базовое представление о готовке. А Юань Шан, судя по его биографии, вырос в бедной семье! Каким образом в трущобах умудрились вырастить настолько не приспособленного к жизни уника?!

Когда Юань Шан с победным видом потащил на весы охапку черемши, Цинь Хо не выдержал:

— Это не зеленый лук.

— Да ладно? Неужели порей? — Юань Шан недоверчиво осмотрел волокнистые стебли.

Цинь Хо обреченно вздохнул. Поняв, что доверять процесс этому кулинарному гению опасно для жизни, он мягко отодвинул его плечом и твердой рукой перехватил ручку тележки.

Мясо — сочная свиная грудинка и нежная вырезка. Рыбу продавец почистил прямо при них. Свежие томаты, фермерские яйца, готовый пирог «бабао» из холодильника — достаточно просто разогреть на пару. Чеснок — пару крупных головок.

Копченая грудинка? Возьмем парочку.

Вяленая рыба? Полкилограмма.

Для соуса понадобятся сахар и специи. Дома вряд ли есть запасы, надо взять.

Молодой бамбук для тушения с мясом — отличный выбор. Непонятно, насколько он мягкий, но какая разница? Пойдет.

Окончательно наплевав на образ сурового босса, Цинь Хо уверенно курсировал между стеллажами, закидывая продукты в тележку. Полный благоговения взгляд Юань Шана заставлял его чувствовать себя странно. На кассе они упаковали покупки в огромные пакеты. Возвращаясь обратно сквозь метель, Цинь Хо наблюдал за Вэйфэном, который весело скакал по сугробам на трех лапах. Тяжелая ноша в руках и этот незамысловатый путь домой согревали остывшее за день сердце.

Вернувшись в квартиру, они разулись, сняли верхнюю одежду и перетащили пакеты на кухню.

Юань Шан, пытаясь помочь, крутился под ногами: сначала он случайно разбил керамическую ложку для соли, затем чуть не опрокинул бутылку с оливковым маслом. Вэйфэн радостно кружил рядом, подлаивая в такт каждому погрому. Цинь Хо почувствовал, как его снова накрывает волна бессилия перед этим стихийным бедствием. Когда Юань Шан с упорством истинного безумца вознамерился помыть ту самую черемшу, Цинь Хо молча взял его за шкуру и выставил за порог кухни.

Юань Шан, все еще сжимая в руке пучок зелени, ошеломленно захлопал ресницами.

Цинь Хо расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, снял жилет и аккуратно подвернул рукава. Затем наполнил кастрюлю водой, зажег конфорку и поставил разогреваться пирог. Движения его были неторопливыми, но выверенными — он отлично понимал, что делает.

Взгляд генерального директора, обычно холодный и расчетливый, теперь лучился легким превосходством. Он скользнул взглядом к выходу: в дверном проеме, вытянувшись в струнку, стояли Юань Шан и Вэйфэн. Оба смотрели на него с благоговейным трепетом, словно на великого кулинарного гуру.

«...»

В мыслях Цинь Хо пронеслась бесконечная череда многоточий. Он не знал, как реагировать на происходящее, но тяжесть, давившая на грудь весь вечер, бесследно испарилась. Наблюдая за этими двумя парами блестящих, голодных и полных надежды глаз, он вдруг почувствовал то, о чем пишут в книгах, — ответственность мужчины, оберегающего свой очаг. Цинь Хо тихо выдохнул, сдаваясь без боя, и произнес фразу, которую Юань Шан так жаждал услышать:

— Иди в гостиную. Не путайся под ногами.

Парочка с радостным лаем и смехом ретировалась. Вскоре из гостиной донеслись праздничные фанфары новогоднего шоу: сладкоголосый ведущий с выражением желал телезрителям счастья, здоровья и семейного тепла. Цинь Хо повернулся к плите, взял лопатку и принялся за готовку. Кухню наполнил аппетитный аромат специй и шкворчащего масла. Разглядывая капли пара, стекающие по прозрачной крышке кастрюли, под аккомпанемент доносящегося из комнаты залиvistого лая Вэйфэна, Цинь Хо поймал себя на том, что улыбается.

Сам не зная почему.

Просто на душе стало удивительно хорошо.